

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.112.2

Дата поступления: 16.09.2020
рецензирования: 28.10.2020
принятия: 27.11.2020

Н.К. Данилова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: danilova_nina@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8854-2650>

Параметрический статус субъекта высказывания

Аннотация: В статье автор предложил возможное решение проблемы полисубъектности нарративного дискурса, связанной с гибридной природой художественной коммуникации, в которой моделируется не только мир повествования, но и коммуникативная ситуация общения. В качестве одного из параметров дискурсивного процесса, анализ которого позволяет наблюдать интенсивное взаимодействие целого ряда систем, принимающих участие в моделировании воображаемого мира художественного произведения, автор рассматривает субъект высказывания. В структуре дискурса субъект высказывания образует позицию, заполняя которую грамматический субъект реализует отношение между грамматической и коммуникативной системой, представляющее «область наблюдателя», которая, согласно представляемой в статье точке зрения, определяет коммуникативную ситуацию нарративного дискурса. Автор статьи заключает, что введение категории наблюдателя дает возможность выявить и описать языковые механизмы реализации коммуникативной ситуации «внеаходимости», в которой автор находится на границе фикциональности.

Ключевые слова: полисубъектность, повествование, субъект высказывания-процесса, субъект высказывания-результата, комплексная перспектива общения, интеракция, перспектива наблюдателя.

Цитирование. Данилова Н.К. Параметрический статус субъекта высказывания // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 88–94. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2020-26-4-88-94>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Нина Константиновна Данилова** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.09.2020
Revised: 22.10.2020
Accepted: 27.11.2020

N.K. Danilova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: danilova_nina@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8854-2650>

Parametric status of the subject of utterance

Abstract: The article proposes a possible solution to the problem of the poly-subjectness of narrative discourse, associated with the hybrid nature of artistic communication, in which not only the world of narration is modeled, but also the communicative situation of communication. As one of the parameters of the discursive process, the analysis of which makes it possible to observe the intensive interaction of a number of systems participating in modeling the imaginary world of a work of art, the subject of the statement is considered, in M. Foucault's terminology, an «empty position» in discourse. The narrative text can be viewed as a complex of a number of communicative phenomena, as a special type of social interaction. A speech act, in which the text becomes an integral component, represents, according to this point of view, a two-unit complex of events, the process of the speaker's production of an utterance and the process of interpretive perception of the finished speech product. The interaction of the author and the reader takes place at the point «I» – «here» – «now» (Origo), in which an event takes place, which in the theory of the speaking subject of Yu. Kristeva is defined as «passing the zero position» subject of evocation-process and statement-result. In a complexly structured artistic message, the dynamics of the subject of utterance is expressed in the alternation of pronoun forms. In the structure of discourse, the subject of utterance forms a position, filling which the grammatical subject realizes the relationship between the grammatical and the communicative system, which represents a complex perspective of communication. The «observer's area», which determines the communicative situation of narrative discourse, completely excluding interpersonal relations (this is what Bakhtin means when he speaks of the absence of dramatic relations between the author and the reader). The introduction of the observer category makes it possible to describe the position of «out-of-access», according to which the author is on the border of fiction. The perspective of the «observer» explains another feature of literary communication, described by M.M. Bakhtin as «the birth of meanings at the moment of meeting (dialogue) of the consciousnesses of both participants».

Key words: poly-subjectness, narration, subject of the statement – process, subject of the statement – result, complex perspective of communication, interaction, perspective of the observer.

Citation. Danilova N.K. Parametric status of the subject of utterance. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2020, vol. 26, no. 4, pp. 88–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-88-94>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© **Nina K. Danilova** – Doctor of Philological Sciences, professor, professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Язык, в своем многообразии создающий стройное здание человеческого знания, вовлечен в действие процессов, которые охватывают три основные функциональные среды, формировать и обслуживать которые язык призван: внешний, объективный мир, внутреннее пространство индивидуума, мир его сознания, и социальную коммуникацию. В непрерывном процессе самоорганизации языковая система направляет и организует все эти три сферы человеческой деятельности. В этой лаконичной формулировке В. фон Гумбольда содержится идея языкового синтеза, остающаяся одной из центральных тем проблемного поля науки о языке.

Представление о роли языка в практической и социальной деятельности людей связано с утвердившимся в современной науке о языке пониманием того, что язык представляет собой систему действий, чья функция заключается в оперировании *открытым репертуаром переменных и закрытым репертуаром правил для реализации жизненно значимых целей* [Шмидт 1978, с. 90]. Исследование репертуара правил, которым подчиняется «говорящий субъект в активной деятельностной позиции», и набора переменных, позволяющих успешно решать коммуникативные задачи в разнообразных практиках, становится одной из наиболее актуальных проблем современного языкознания.

Современный дискурс-анализ включает вербальное поведение человека в систему социальных действий, которым свойственна как *семантическая* (соотнесенность вещей и их коррелятов), так и *прагматическая* (осуществление намерений и интересов) интенциональность, эти измерения языка позволяют обществу конституироваться как общность действий и общность коммуникации. Возможный ответ на вопрос, как индивидуальное употребление языка способно становиться социальной акцией, предполагает изучение способов вербального поведения участников общения в различных социальных сферах. Вербальные действия могут получить в этом случае описание как операции, необходимые для согласования и взаимодействия стратегических программ участников общения.

Наиболее совершенной и развитой системой, предназначенной для решения названных задач, является, по нашему мнению, художественная (литературная) коммуникация, целью которой является понимание и взаимопонимание участников общения. Рефлексивный характер художественно-

го диалога предполагает следование участников художественной интеракции двум диаметрально противоположным требованиям – свободе творчества и управлению рецептивным процессом. Отсутствие жестких институциональных ограничений превращает литературную коммуникацию в пространство, открытое для лингвокреативной деятельности творца. Диалог с воображаемым собеседником (читателем), с другой стороны, связан с необходимостью вовлеченности читателя в процесс сотворения воображаемого мира повествования, что требует деятельного участия автора в процессе регулирования вербального поведения читателя. Власть автора в процессе творения «космологической структуры» по выражению У. Эко, распространяется и на читателя, которого следует «сотворить» [Эко 2005, с. 56].

В качестве основной конституирующей функции языка системный дискурсивный анализ рассматривает создание «дискурса о мире», речь идет об изложении *в модусе субъекта*. Тесная связь с автором превращает акт рассказывания в объект наблюдения, представляющий особый интерес для прагматики, связывающей коммуникативные процессы с процессами сознания, так как рождение и существование субъекта в дискурсе создает определенные возможности для формирования авторской модели мира. Проблема исследования этого процесса связана со сложностью и многоаспектностью изучаемого явления.

Методы

Текст повествования можно рассматривать как особый вид социального взаимодействия [Тарасов 1987, с. 148]. Коммуникативный акт, в котором текст выступает как неотъемлемая составляющая, представляет собой, согласно этой точке зрения, двуединый комплекс событий, процесс продуцирования говорящим высказывания и процесс интерпретационного восприятия готового речевого продукта. Формирование художественного (литературного) дискурса как единого высказывания для «субъекта, объекта и адресата» [Тюпа 2002, с. 55] создает особые условия, анализ которых требует обращения к идее взаимодействия выше названных функциональных сред, которые объединяет язык.

Общеввропейская концепция формирования сложных форм вербального поведения под общим названием «модулярная теория», представленная в Германии концепциями М. Бирвиша В. Мотша, М. Брандт и др., исходит из положения *о гетеро-*

генности систем, определяющих структуру текста как комплексного речевого продукта. Выделяя в качестве основных компонентов модели производства текста *репрезентации, правила и принципы*, один из создателей основ этой теории М. Бирвиш относит к *репрезентациям* ментальные события (конкретные образцы поведения, демонстрирующие специфические свойства и признаки), видя в *принципах* генетически заложенные предпосылки для формирования познавательных систем (схемы). К *правилам* относятся типичные элементы и их комбинации, свойственные существующим текстам. Закономерности, свойственные вербальному поведению индивидуумов, получают определение в терминах отдельных систем, в ведении лингвистики оказываются типизации, сформированные практиками общения.

Базовым положением модулярной теории является признание значимости языковых механизмов производства, актуализации и дальнейшей разработки репрезентаций [Motsch 1991, S. 49]. В концепции М. Бирвиша содержится гипотеза относительно взаимодействия обозначенных систем, согласно которой взаимоотношения между концептуальной и грамматической системами описываются в терминах *параметризации*, что означает, что грамматические репрезентации содержат переменные, которые заполняются с участием элементов концептуальной системы. Определение характера подобных переменных и условий их использования в данном процессе составляет цель предпринимаемого нами поиска.

Результаты и дискуссия

Основным контекстом, в рамках которого можно проследить активные языковые процессы, является «ситуация». В качестве содержательной единицы дискурса ситуация с ее основными составляющими, лицом, временем, пространством, образует лингвистический аналог логического понятия «возможного мира», *ментальной модели действительности*, предполагающей использование различных модусов представления действительности. Использование языковых средств интерпретируется в когнитивной перспективе в непосредственной связи с их принадлежностью либо к *устройству объекта* (положению дел), либо к *общению о мире*. В первом случае внимание фокусируется на субъекте или объекте ситуации, что определяет тему сообщения и принцип ее развертывания в текст, в процессе которого создается референтная основа повествования, его «объектный контур». Эпистемический фактор вводится в действие в том случае, если требуется выражение оттенков познавательной ситуации: характеристики объектов выводятся из способов обозначения объекта в этих мирах. Особенность исследуемого нами нарратива заключается в сложности задачи моделирования не только *положения дел*, но и *ситуации общения*, что имеет следствием формирование комплекса правил, регулирующих повествовательный процесс.

Мир, конструируемый в процессе развертывания повествовательного процесса, предполагает *активное действие адресанта*, получающее в современной теории языка, название «*перспективизация*» [Голубева 2010, с. 34]. Выбор точки обзора определяет способы ориентирования адресата относительно событий, меру сообщаемой информации, способ профилирования отношений, динамике действия и тому подобные явления. Последовательность высказываний, образующая акт рассказывания, включает различные способы интерпретации, осмысления, концептуализации ситуации говорящим; необходимость учета режиссуры языковой интенции, вытекающая из сказанного, выводит в фокус исследования проблематику *базовых элементов и процессов*, участвующих в создании сложной конфигурации дискурса-текста.

Структура художественного текста со свойственной ей двусобытийностью, «историей» и повествовательным дискурсом (актом рассказывания), позволяет выделить параметры, фиксирующие точки *взаимодействия систем*, участвующих в повествовательном процессе. Основным из них, согласно нашим предположениям, является *позиция субъекта высказывания*. Переменные, заполняющие ее, демонстрируют разнообразные виды взаимодействия обозначенных выше гетерогенных систем. Проявлением этой связи становится чередование перспектив, позволяющее разнообразить ракурсы и способы формирования мира повествования, вследствие этого рождается «проект альтернативной реальности», сопровождаемый оценкой (*bewertbarer Entwurf alternativer Wirklichkeiten*) [Zeman et al 2017, с. 314]. Исследование процедур определения субъекта высказывания в повествовательном дискурсе является, по сути, анализом языковых операций, предназначение которых заключается как в управлении процессом смыслопорождения, так и в регуляции взаимодействия участников литературного диалога.

Основная переменная, заполняющая позицию субъекта высказывания, представлена перспективой говорящего субъекта, получающего определение в работах М.М. Бахтина как «активная позиция», не сводимая только к речевой воле говорящего [Бахтин 1979, с. 263, 256–257]. Явлением, производным от уровневой структуры повествования, в которой акт рассказывания становится условием становления и развития не только истории, но всего повествования в целом, считается так называемая «двухголосая» коммуникативная организация повествования (*Double-Voice-Struktur*), создаваемая порождающим отношением «субъект речи – рассказчик – персонаж» [Zeman et al 2017, S. 318–319]. В коммуникативной диаде повествования, согласно точке зрения авторов исследования, перспектива рассказчика подчиняет себе перспективы персонажей.

Организация повествования представляет собой, как показывают наблюдения, более сложное явление, в котором могут быть выделены целые

комплексы высказываний, обладающие самостоятельными функциями. Одним из подобных комплексов является *когнитивная сцена*, особенность которой заключается в том, что она представляет собой продукт концептуализации действительности, являясь итогом «познания некоторого реального (мыслимого) положения дел в процессе формирования высказывания о нем» [Колесов 2008, с. 25]. В отличие от «сцены», «событие» получает характеристику в качестве единицы когнитивного компонента, содержащей набор параметров однородного класса сцен, содержательными признаками которых являются «действие» и «действие» [Шабес 1989, с. 14]. Сцены и «образы» представляют собой уникальное явление, события и концепты имеют универсальный характер, общий для людей с различным опытом.

Существенным дополнением к уже упомянутому явлению становится выделение создателями теории ситуаций Й. Барвайзом и Дж. Перри «*ситуации восприятия*», репрезентируемой модусами (Einstellungen), выбор которых отражает изменение не только в ситуации, но и в положении субъекта действия, в его восприятии ситуации [Barwise, Perry 1987]. Внешняя «сцена» становится тем самым предметом восприятия, а связанное с модулями изменение восприятия означает одновременно «изменение сцены». Оба направления изменения, изменение самой «сцены» и изменение когнитивной ситуации субъекта восприятия, служат взаимному определению обоих конституентов. Определение когнитивной перспективы с учетом обоих параметров, точки отсчета и характера «сцены», позволяет разграничить репрезентированный тип «ситуации восприятия» и «поле референции». В когнитивном плане получает представление ситуация общения (включающая говорящего, адресата, место и время высказывания).

Сказанное выше дает возможность выделить несколько существенных моментов, связанных с процессами моделирования возможного мира в ходе развертывания повествовательного процесса. Конституирование мира повествования в акте рассказывания предполагает, прежде всего, создание ситуации общения, в которой предусмотрены взаимоотношения реального автора и читателя в соответствии с определенной системой ролей. Субъекту речи принадлежит в этой системе роль регулятора коммуникативного обмена, подобно тому, как это происходит в условиях естественной ситуации.

В рассказе Элизабет Ланггессер Glück haben активная воля рассказчика находит отражение в том, как устроены сцена и событийная структура повествования: Dieses merkwürdig endende Selbstgespräch hörte ich auf der Gartenbank eines ländlichen Sanatoriums, welches gleichzeitig ein Altersheim war. Ich wartete damals auf einen Bekannten... (Langgässer 1982, S. 204). Личное местоимение ich, указательное местоимение dieses, релятивный дейкис damals, оценка merkwürdig endend формируют по-

вестовательную инстанцию, созданную комбинацией коммуникативной перспективы субъекта речи и участника событий, что позволяет рассматривать грамматический субъект, выраженный личным местоимением, как номинацию деятеля. Глубинная структура субъекта высказывания обретает тем самым несколько измерений: *субъект речи + деятель*, что позволяет сформировать персональную перспективу повествования.

В следующей секвенции процесс перспективизации определен трансформацией субъекта высказывания, связанной с изменением концептуальной схемы изложения: Übrigens war die Heilanstalt ein wahres Paradies. Schöner Park, alte Bäume, das Haus, dahinter ein märkisches Landschloss, zwei einfache Flügel und eine Freitreppe in der Mitte – bisschen kleiner. wäre es ein Wohnhaus in Caputh oder Bernau gewesen. В структуре субъекта высказывания деятель сменяется субъектом восприятия, представление событийной структуры уступает изображению когнитивной сцены в модусе перцептора (о чем свидетельствует оценка воспринимаемых объектов). В следующей секвенции выбор формы конъюнктива wäre es... gewesen свидетельствует об изменении перспективы перцептора в пользу перспективы рефлексора, вводимой пропозициональной установкой, в модусе полагания [Арутюнова 1988, с. 109].

Процедура определения субъекта высказывания, как можно убедиться, становится определяющей для динамики повествовательного процесса и представляет собой выбор переменных, принадлежащих разным системам, коммуникативной, когнитивной и грамматической. Доминирование коммуникативной перспективы субъекта речи в художественной коммуникации существует наряду с латентной формой рассказывания, связанной с *перспективой наблюдателя*, предназначение которой заключается в гармонизации позиций участников художественного диалога. Положение об intersubjectivности языковой деятельности, составляющее теоретическую основу коммуникативной модели Ю. Хабермаса, выделяет коммуникативную установку наблюдателя в ее ориентированности на взаимопонимание и на совместное переживание мира [Habermas 1984]. В данном определении прослеживается аналогия с позицией «внезаходности» М.М. Бахтина, понимаемой как переход от индивидуального образа мира к образу «себя и других в мире». Система коммуникативных перспектив получает тем самым дополнительное измерение, дающее возможность самоидентификации не только с субъектом речи и собеседником, но и с аналитической позицией, воспроизводящей общий для всех участников жизненный мир. Ситуация общения обогащается в итоге дополнительными возможностями, получая определение в результате выбора одной из трех коммуникативных перспектив, перспективы субъекта речи, перспективы наблюдателя или перспективы рецензора (читателя).

Перспектива наблюдателя создает условия для актуализации концептуальной системы, создаваемой, как уже было сказано, когнитивными перспективами перцептора или рефлектора. В коротком рассказе В. Шнурре латентная перспектива наблюдателя служит целям одновременного представления событийной структуры и когнитивной сцены: *Der Mann hatte einen Bart und war schon etwas älter; zu alt fast wie die Frau. Und dann war auch noch das Kind da, ein ganz kleines, Das schrie dauernd, denn es hatte Hunger. Aber sie war still, und wenn der Mann zu ihr hinsah, dann lächelte sie, oder sie versuchte es doch wenigstens. Der Mann hatte auch Hunger (Schnurre 1982, S. 199)*. События разворачиваются без явного внешнего участия, сцена происходящего дана с точки зрения субъекта восприятия, для чего используется комплекс языковых средств: определенный артикль, служащий целям спецификации поля референции, темпоральные операторы *wenn... dann*, подчеркивающие одновременность событий, паратаксис, служащий представлению событий в хронологическом порядке. Комплекс языковых средств служит целям оформления актуального модуса изложения, свойственного перспективе перцептора. Грамматический субъект, выраженный полнозначной номинацией, служит актуализации плана истории, выделяя инстанцию деятеля, в то время как коммуникативная и когнитивная перспективы формируют фон повествования; имплицитное представление субъекта высказывания служит тем не менее целям перспективизации, помещая в фокус детали событий.

Вариации перспектив наблюдателя и когнитивных перспектив перцептора или рефлектора создают условия для трансформаций, определяющих динамику процесса рассказывания: *Sie wussten nicht, wohin sie wollten; sie wussten nur, sie konnten in ihrer Heimat nicht bleiben, sie war zerstört. Sie liefen durch Wald, durch Kiefern (Schnurre 1982, S. 1590)*. В анализируемой секвенции субъект высказывания выражен субститутом *sie*, нейтрализующим план истории (тема деятеля не получает развития) и служащим актуализации перспективы рефлектора, при этом отношение параметризации связывает грамматическую и концептуальную системы при посредничестве этой «пустой», по выражению Э. Бенвениста, субъектной позиции. Интенциональный модус знания определяет использование типовой ситуации «наличие знания» (*Sie wussten nicht... sie wussten nur*), переходящей в другой тип высказывания, вводимым модусом необходимости (*sie konnten in ihrer Heimat nicht bleiben*). Акт рассказывания демонстрирует тем самым другую комбинацию перспектив, перспективу рефлектора и перспективу наблюдателя с грамматическим субъектом *sie* объединяет отношение параметризации, связывающее между собой нарративные планы общей для рассказчика и персонажей информированностью о предстоящих событиях.

Чередование перспектив демонстрирует степень интенсивности и тесноты связей между системами разного порядка и производной от этих связей общностью планов нарратора и истории. В рассказе Элизабет Ланггессер отношения параметризации между системами демонстрируют существенные различия в последовательности секвенций. Неопределенно-личное местоимение в позиции субъекта высказывания *Aber hier war die Sache anders. Man bekam nichts erzählt, man hörte da etwas, das im Grunde nicht für einen bestimmt war, man hatte das verdammte Gefühl, einen offenen Brief zu lesen, der liegen geblieben war* служит генерализации позиции рефлектора, представленной модусом знания *man bekam nichts erzählt, man hörte da etwas* и модусом чувственного восприятия *man hatte das verdammte Gefühl*, интенсивность взаимодействия планов повествования свидетельствует об плотной интеграции перспектив наблюдателя и участников событий. Оба плана повествования объединены субъектом высказывания, выраженным неопределенно-личным *man*, служащим знаком коллективного субъекта.

В секвенции *Ich glaube, dieser Vergleich ist richtig, wenn jeder auch natürlich hinkt. Denn, wenn man etwas gelesen hatte, durfte man scheinbar nicht wissen, коммуникативная перспектива наблюдателя сопровождается актуализацией перспективы субъекта рациональной рефлексии, что меняет семантику грамматического субъекта в пользу носителя знания: wenn man etwas gelesen hatte, durfte man scheinbar nicht wissen*. Чередование перспектив получает выражение с помощью изменения модусной рамки: модус знания *Ich glaube* сменяется реактивным модусом [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998, с. 280] *dieser Vergleich ist richtig*, и получает завершение в высказывании, организованном модусом сомнения и допущения (3)... *Ich hätte mich natürlich gefürchtet*.

Следующая фаза повествования демонстрирует сближение повествовательных планов, но не допускает их слияния, параллелизм синтаксических структур усиливает регулятивное действие модусной рамки, служащей одновременно выражению желания и оценки (в качестве операторов служат условное предложение и конъюнктив): *Wenn nicht eine Schwester die ganze Zeit in der Nähe gewesen wäre, Endlich durfte man diese Biester gar nicht Schwestern nennen... Wenn so eine still von hinten her andrückt und packt die Kranken in ihre Klammer und schiebt die am Ellenbogen weiter, ohne ein Wort zu sagen – so eine blauweiß gestreifte dicke Lokomotive*. Выбор рефлексивной перспективы определяет использование модуса общей аксиологической оценки, реализации которого служат модальный глагол *durfte man diese Biester gar nicht Schwestern nennen* и метафора *so eine blauweiß gestreifte dicke Lokomotive*.

Следующая секвенция включает высказывание с модусной рамкой, организованной рефлексивным модусом, выражению которого служит форма

конъюнктива... Ich hätte mich natürlich gefürchtet. Завершает последовательность высказываний секвенция, которую вводит речевой модус, выраженный коммуникативом sagen, маркирующий принадлежность высказывания акту рассказывания: Wie gesagt: Die Frau war schon mitten im Reden, als ich neben sie setzte. Allerdings kann sie mit ihrer Geschichte nicht weit gewesen sein (Langgässer 1982, S. 205).

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что закономерности субъектной организации повествования свидетельствуют о параметрическом статусе субъекта высказывания. Регуляция отношений внутри «контура» в дискурсивных процессах, как показывают наблюдения, связана с субъектной позицией, служащей своего рода «призмой», меняющей ракурсы художественного изображения действительности. Реализуя цели представления различных типов репрезентированных ситуаций, субъект высказывания и выбранная для его актуализации пропозициональная установка, **способ полагания изображаемого мира**, определяют динамику повествовательного процесса.

В реализации субъектных перспектив, принадлежащих концептуальной, коммуникативной и грамматической системам, принимают участие языковые средства всех уровней, что является свидетельством принадлежности исследуемых явлений дискурсивному процессу. Субъект высказывания является, согласно нашей точке зрения, категорией дискурсивного синтаксиса, образуя ту инстанцию, благодаря которой возможно конституирование «ситуации» как проинтерпретированного факта или события.

Источники фактического материала

Langgässer 1982 – *Langgässer Elisabeth*. Glück haben // Erzählte Zeit. 50 deutsche Kurzgeschichte der Gegenwart. Stuttgart: Philipp Reclam, 1982. S. 204–209.

Schnurre 1982 – *Schnurre Wolfdietrich*. Auf der Flucht // Erzählte Zeit. 50 deutsche Kurzgeschichte der Gegenwart. Stuttgart: Philipp Reclam, 1982. S. 199–203.

Библиографический список

Barwise, Perry 1987 – *Barwise J., Perry J.* Situationen und Einstellungen. Grundlagen der Situationssemantik. Berlin; New York: Walter der Gruyter, 1987. 430 S. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110846744>.

Habermas 1984 – *Habermas Jürgen*. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt: Suhrkamp, 1984. 605 S.

Motsch 1991 – *Motsch, Wolfgang*. Anforderungen an eine modulare Textanalyse. In: *Originalveröffentlichung Sprache und Pragmatik, Arbeitsberichte*, Jg. 24 (1991), S. 47–61. URL: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/7421/file/Motsch_Anforderungen_an_eine_modulare_Textanalyse_1991.pdf.

Zeman et al 2017 – *Zeman Sonja, Blanck Wiebke, Ott Christine, Rödel Michael, Staffeld, Sven*. Was bedeutet eigentlich erzählen? Linguistische und didaktische Annäherungen an einen schwierigen Begriff // Mitteilungsband des Deutschen Germanistenverbandes. Göttingen: V&R unupress, 2017, S. 307–329. DOI: <http://doi.org/10.14220/mdge.2017.64.3.307>.

Арутюнова 1988 – *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва, 1988. 340 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/arutunova/text.pdf>.

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. Москва: Искусство, 1979. 423 с. URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Bahtin/esthetic>.

Голубева 2010 – *Голубева Н.А.* Когнитивные принципы, механизмы и операции в грамматике // Вестник ВГУ. серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 32–35. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2010/01/2010-01-05.pdf>.

Золотова, Онипенко, Сидорова 1998 – *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. Москва, 1998. 528 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19809866>; https://www.studmed.ru/zolotova-g-a-onipenko-n-k-sidorovam-yu-kommunikativnaya-grammatika-russkogo-yazyka_9969a984bbb.html.

Колесов 2008 – *Колесов И.Ю.* К вопросу о роли понятия когнитивной сцены в концептуальном анализе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2 (15). С. 19–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11664841>.

Тарасов 1987 – *Тарасов Е.Ф.* Тенденции развития психолингвистики. Москва, 1987. 168 с. URL: <https://iling-ran.ru/library/psylingva/Tarasov%20E.F.%20Tendenzii%20razvitiia%20psicholingvistiki.djvu>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21628147>.

Тюпа 2002 – *Тюпа В.И.* Художественный дискурс (введение в теорию литературы). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 80 с. URL: https://www.studmed.ru/tyupa-vi-hudozhestvennyy-diskurs-vvedenie-v-teoriyu-literatury_off167e3365.html; <https://b-ok.global/book/2728151/8375b2>.

Шабес 1989 – *Шабес В.Л.* Событие и текст. Москва: Высшая школа, 1989. 175 с. URL: <https://superlinguist.ru/lingvistika-teksta-skachat-knigi-besplatno/shabes-v-ia-sobytie-i-tekst.html>.

Шмидт 1978 – *Шмидт З.Й.* «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. Москва: Прогресс, 1978, С. 89–108. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/2767978/>; https://vk.com/doc30601958_459204609?hash=7d74f2c6eab3deb829&dl=6530892d3cf88ac7d7.

Эко 2005 – *Эко Умберто*. Заметки на полях «Имени розы» / пер. с итал. Е.А. Костюкович (1988). Санкт-Петербург, 2005. 96 с. URL: <https://massolit.top/book/zametki-na-polyah-imeni-rozi>.

References

Barwise, Perry 1987 – *Barwise J. and Perry J.* (1987) Situationen und Einstellungen. Grundlagen der Situationssemantik. Berlin; New York: Walter der Gruyter, 430 S. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110846744>.

Habermas 1984 – *Habermas Jürgen* (1984) Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt: Suhrkamp, 605 S.

- Motsch 1991 – *Motsch Wolfgang* (1991) Anforderungen an eine modulare Textanalyse. In: *Originalveröffentlichung Sprache und Pragmatik, Arbeitsberichte*, Jg. 24, S. 47–61. Available at: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/7421/file/Motsch_Anforderungen_an_eine_modulare_Textanalyse_1991.pdf.
- Zeman et al 2017 – *Zeman Sonja, Blanck Wiebke, Ott Christine, Rödel Michael, Staffeldt Sven* (2017) Was bedeutet eigentlich erzählen? Linguistische und didaktische Annäherungen an einen schwierigen Begriff. In: *Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes*. Göttingen: V&R unupress, S. 307–329. DOI: <http://doi.org/10.14220/mdge.2017.64.3.307>.
- Arutyunova 1988 – *Arutyunova N.D.* (1988) Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact. Moscow, 340 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/arutunova/text.pdf>. (In Russ.)
- Bakhtin 1979 – *Bakhtin M.M.* (1979) Aesthetics of verbal creativity. Compiler Bocharov S.G., notes Averintsev S.S. and Bocharov S.G. Moscow: Iskusstvo, 423 p. Available at: <http://teatr-lib.ru/Library/Bakhtin/esthetic>. (In Russ.)
- Golubeva 2010 – *Golubeva N.A.* (2010) Cognitive principles, mechanisms and operations in grammar. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, no. 1, pp. 32–35. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2010/01/2010-01-05.pdf>. (In Russ.)
- Zolotova, Onipenko, Sidorova 1998 – *Zolotova G.A. Onipenko N.K. and Sidorova M.Yu.* (1998) Communicative grammar of the Russian language. Moscow, 528 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19809866>; https://www.studmed.ru/zolotova-g-a-onipenko-n-k-sidorova-m-yu-kommunikativnaya-grammatika-russkogo-yazyka_9969a984bbb.html. (In Russ.)
- Kolesov 2008 – *Kolesov I.Yu.* (2008) Towards the notion of mental scene in conceptual language analysis. *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 2 (15), pp. 19–31. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11664841>. (In Russ.)
- Tarasov 1987 – *Tarasov E.F.* (1987) Trends in the development of psycholinguistics. Moscow, 168 p. Available at: <https://iling-ran.ru/library/psylingva/Tarasov%20E.F.%20Tendenzii%20razvitiia%20psicholingvistiki.djvu>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21628147>. (In Russ.)
- Tyupa 2002 – *Tyupa V.I.* (2002) Artistic discourse (introduction to the theory of literature). Tver: Tver. gos. un-t, 80 p. Available at: https://www.studmed.ru/tyupa-vi-hudozhestvennyy-diskurs-vvedenie-v-teoriyu-literatury_0ff167e3365.html; <https://b-ok.global/book/2728151/8375b2>. (In Russ.)
- Shabes 1989 – *Shabes V.L.* (1989) Event and text. Moscow: Vysshaya shkola, 175 p. Available at: <https://superlinguist.ru/lingvistika-teksta-skachat-knigi-besplatno/shabes-v-ia-sobytie-i-tekst.html>. (In Russ.)
- Schmidt 1978 – *Schmidt S.J.* (1978) «Text» and «story» as basic categories. In: *New in foreign linguistics. Issue VIII. Linguistics of the text*. Moscow: Progress, pp. 89–108. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/2767978/>; https://vk.com/doc30601958_459204609?hash=7d74f2c6eab3deb829&dl=6530892d3cf88ac7d7. (In Russ.)
- Eko 2005 – *Eko Umberto* (2005) Notes on the margins of the «The Name Of The Rose». Translation from Italian by E.A. Kostyukovich (1988). Saint Petersburg, 96 p. Available at: <https://massolit.top/book/zametki-na-polyah-imeni-rozi>. (In Russ.)